

УДК 316.33

С.А. Кравченко

**НЕОБХОДИМОСТЬ
ГУМАНИСТИЧЕСКИ
ОРИЕНТИРОВАННОЙ
МОДЕРНИЗАЦИИ**

В статье рассматриваются проблемы вступления России в сложный социум, сущностной чертой которого является *становление*, происходящее нелинейно, с сопутствующими рисками, травмами, разрывами, парадоксами. Возникшие вызовы востребовали модернизацию страны, по характеру которой развернулись дебаты. Автор утверждает, что адекватным ответом на возникшие вызовы общественного развития является *гуманистически ориентированная* модернизация российского общества.

Ключевые слова: *сложное общество, становление, рефлексивность, неопределенность, риск, гуманистически ориентированная модернизация.*

С.А. Кравченко

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного университета международных отношений МИД РФ, г. Москва.
E-mail: sociol7@yadex.ru.

© Кравченко С.А., 2012

S.A. Kravchenko

**NECESSITY OF
HUMANISTICALLY ORIENTED
MODERNIZATION**

The problems of Russia's complex society, the essential feature of which is the formation that takes place linearly, with attendant risks, injuries, fractures, paradoxes. Emerging issues of the modernization of the country claimed by the nature of the debate has unfolded. The author argues that an appropriate response to the emerging issues of social development is humanistically oriented modernization of Russian society.

Key words: *complex society, becoming, reflexivity, neodeterminism, risk, humanistically oriented modernization.*

S.A. Kravchenko

The Doctor of Philosophy, the Professor, Head of the Sociology Faculty of the Moscow State University of the International Relations of the Ministries of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow.
E-mail: sociol7@yadex.ru.

© Kravchenko S.A., 2012

Модернизация – изначально возникающий на определенном уровне развития производительных сил и технологий процесс существенных социальных изменений, охватывающий все общество, все его подсистемы с соответствующими функциями – экономику, политику, государственные, правовые, образовательные, семейные и иные институты [1], в результате которого осуществляется переход от традиционных, аграрных к современным индустриальным обществам. Соответствующие радикальные изменения происходят в общественном сознании: с одной стороны, утверждаются идеи прогресса в виде торжества рационализма, всемогущества науки и техники, возможностей роста материального благосостояния, практической реализации прав и свобод человека, что порождает «желание быть современным», являющееся двигателем инноваций и предпринимательства, а с другой – отказ от прежде функциональных ценностей и традиций, появление ненамеренных, рискогенных последствий, что формирует антимодернизационные идеи. С тех пор модернизация и антимодернизация по существу являются двумя противоборствующими сторонами постоянного преобразовательного процесса, доминирование которых флуктуирует: в одни исторические времена господствуют идеи модернизации, а в другие – антимодернизации.

По существу, однажды начавшись, модернизация и антимодернизация стали атрибутом развития человеческого общества. Антимодернизация, по определению А. Турена, – курс противодействия модернизации, стремление «разойтись» не только с ценностями культуры «модернити», но и с экономико-технологическими показателями современности, найти собственный, самобытный путь развития на основе не только эндогенных культурных ценностей, но и форм экономической, политической, социальной жизни [2]. История каждой страны, прошедшей индустриальную модернизацию, свидетельствует, что за ней следовали все новые и новые модернизации, разделяемые антимодернизационными и достаточно эволюционными тенденциями развития, в которых, однако, вызревали материальные и субъективно-культурные предпосылки для грядущих модернизаций. Пока нет очевидных свидетельств, что модернизационный процесс может в принципе быть прерван, но уже есть осознание того, что резко увеличиваются непредвиденные, рискогенные последствия каждой последующей модернизации, что подводит социум к катастрофе, и потому академиком Н.Н. Моисеевым был поставлен вопрос «Быть или не быть... человечеству?» [3] Именно ранее совершенные модернизации явились в конечном счете главной причиной образования «турбулентного социума», как это констатировал X Конгресс европейской социологической ассоциации (Женева, 2011). Антимодернизационные тенденции могут отдалить, но не предотвратить катастрофу. В связи с этим мы утверждаем, что ныне

востребован принципиально иной тип модернизации – *гуманистически ориентированная модернизация*.

Объективные и субъективные факторы модернизации. Ни одна модернизация не началась и не проходила сколько-нибудь функционально для социума без наличия материальных условий, что обосновал К. Маркс, равно как культурной, духовно-этической готовности субъективного фактора, на значимость которого указывал М. Вебер, рассматривавший традиционность, иррациональность, общинные ценности как существенные препятствия для инноваций и модернизации. Модернизация в широком смысле, понимаемая как совокупность последовательных модернизаций и инноваций, представляет собой сложный комплексный процесс взаимосвязанных изменений среды жизнедеятельности людей, науки и технологии, социокультурных и политических реалий [4].

В модернизации органически взаимосвязаны объективный и субъективный факторы. Говоря о политической составляющей модернизации в условиях глобализации, Э. Гидденс ведет речь о «демократизации демократии», которая «нужна не только зрелым демократическим государствам. Она может способствовать построению демократических институтов там, где они слабы и страдают дистрофией» [5]. Модернизация в социокультурной сфере – это развитие «действующего человека» (А. Турен) и безличных форм социального взаимодействия как базовых, утверждение «саморационализации» (К. Маннгейм), гавернментальности (М. Фуко) с учетом новых информационных и иных технологий, распространения специфических форм рыночного регулирования экономики и предпринимательства. Социокультурная составляющая модернизация также предполагает разрыв с традиционными сословными, кастовыми, клановыми и иными традиционными ограничениями, этнической и конфессиональной замкнутостью.

Роль *объективного фактора* весьма значима – он в значительной степени определяет саму возможность, содержание и характер модернизации. Вплоть до середины XX в. модернизационные процессы в мире проходили в русле *евроцентристского* вектора, ориентации на *европейские* ценности.

Принято выделять два типа модернизации: первый – органическая, первичная, или эндогенная модернизация, осуществляемая на основе материальных и субъективных предпосылок, сложившихся внутри общества. Такая модернизация проходила в XVII–XVIII вв. в странах Запада: Англии, Голландии, США. Ее последствия были амбивалентны. С одной стороны, имел место процесс рационализации всей общественной жизни, рост производства и потребления материальных благ, что вело к интенсивному градостроительству с соответствующей инфраструктурой, включая новые возможности для образовательной и интеллектуальной дея-

тельности значительных слоев населения. Однако с другой – интенсифицировалось социальное расслоение: «богатые богатели», а «бедные беднели» (К. Маркс). Эти амбивалентные результаты породили разные теоретические интерпретации модернизационных процессов. А. Смит, М. Вебер и другие ратовали за капиталистическую версию модернизации, в то время как К. Маркс – за социалистическую.

Второй тип – неорганическая, экзогенная, или догоняющая модернизация – возник как рефлексия на внешние вызовы, связанные с экономическим и политическим давлением более развитых стран. После Второй мировой войны догоняющая модернизация стран, освободившихся от колониальной зависимости, была обусловлена возникновением двух сверхдержав – СССР и США, глобализацией международных отношений. И одна, и другая сверхдержавы побуждали развивающиеся страны, как правило, не готовые ни в материальном, ни в культурном плане к самостоятельному осуществлению модернизации, к ее принятию в социалистической или капиталистической версии в контексте вновь созданного мирового порядка. Естественно, такая навязанная извне модернизация (в любой диктуемой версии) была неадекватна социально-экономическим и духовным условиям этих стран, нарушала историческую преемственность их развития. Стимулом для неорганичной модернизации являлось расширение экономико-политического влияния СССР и США, других развитых стран в Центральной, Восточной и Южной Европе, Латинской Америке, Азии и Африке. Поскольку вторичная модернизация была ориентирована на образцы, задаваемые обществами, которые рассматривались как «наиболее передовые», она получила также название «догоняющая». Данный тип модернизации стимулировался осознанием технологической, экономической, культурной отсталости и предполагал ориентацию порой на калькированное заимствование институциональных и культурных образцов у «передовых» европейских обществ [6].

Отмеченные выше версии модернизации не выдержали испытание временем, не привели к сбалансированным структурно-функциональным преобразованиям. Основные противоречия вызваны не сосуществованием разных типов общественных институтов и систем ценностей (традиционных и модернизированных, эндогенных и заимствованных.), а отсутствием общего достаточного уровня их взаимодействия, что обеспечивает живучесть и функциональность общества, как показал Т. Парсонс, в целом. И. Валлерстайн в работе с символическим названием «Модернизация: да упокоится в мире» (1976) отмечает, что данный тип модернизации по существу являлся инструментом эксплуатации бедных стран богатыми, ограничивая их властные и структурные возможности [7]. Исторически он исчерпал себя, что в 50–60-е гг. XX в. дало толчок к обоснованию альтер-

нативности и плюрализма модернов и, соответственно, возможности принципиально иных, неевроцентристских типов модернизации.

Один из первых начал разработку теории сложного модерна и *альтернативных модернизаций* Ш.Н. Эйзенштадт, занимавшийся кросс-культурным анализом различных обществ, который включал критику евроцентризма и обоснование незападных типов модернизации. В работе «Модернизация: протест и изменения» (1966) он дал ей такое общее определение: «Модернизация – это процесс изменения в направлении тех типов социальности, экономической и политической систем, которые развивались в Западной Европе и Северной Америке с семнадцатого по девятнадцатый век и затем распространились на другие европейские страны, а в девятнадцатом и двадцатом веках – на южноамериканский, азиатский и африканский континенты» [8].

В этом же ключе проводили исследования А. Абдель-Малек, выдвинувший теорию альтернативного общественного развития, Ф. Бродель, обосновавший множественность сущностей социального времени, и другие. В итоге развернулось теоретизирование вокруг *незападных* типов модернизации. Так, А. Туреном была предложена концепция «контромодернизации» – альтернативный вариант развития, ориентированный на те же цели, что и модернизация, осуществлявшаяся в западных странах, – индустриализация, развитие экономики, внедрение научно-технических достижений и т.д., но осуществляемый принципиально незападными методами, а также на основе иных ценностей и норм.

На рубеже XX–XXI вв. в связи с тенденциями космополитизации и распространением новых информационных технологий начались качественно новые модернизационные процессы в виде «рефлексивной» модернизации, которая, с одной стороны, представляет современный процесс детрадиционализации, уменьшающий роль социальных ожиданий, сакральности в повседневной жизни людей, которые ныне вынуждены жить в неопределенном и фрагментарном социальном порядке, отслеживая его усложняющуюся динамику, а с другой – преобразования, обусловленные условиями рефлексивного модерна, позволяющие людям не принимать институты и социальные практики как нечто неизменное, выбирать желательные социальные группы и избегать нежелательных, равно как изменять для этого свои идентичности.

Основным *субъектом модернизации* является *народ*, достаточно *широкие слои* населения, готовые на уровне микросоциальных практик, в силу своих насущных интересов к грядущим преобразованиям. «Модернизационный проект не может быть успешным, – отмечает академик М.К. Горшков, – если различные группы населения не увидят в нем перспектив лично для себя и своих близких, с одной стороны, а с другой – общей для страны цели» [9]. Вместе с тем политическими инициаторами и

интеллектуальными проводниками социально-экономических преобразований выступают национальные элиты, как правило, связывающие свои интересы с культурой «модернити», идеями роста материального благополучия и вхождения в мировое сообщество. При проведении политики модернизации элиты опираются на различные социальные группы, учитывают потенциал как модернистов, так и антимодернистов. «По всей видимости, – отмечает М.К. Горшков, опираясь на полученные данные социологического исследования, – в настоящее время социальной базой модернизационного прорыва России может стать только так называемый новый средний класс, объединяющий профессионалов и концентрирующий значительную часть тех, кого называют модернистами... Главным же тормозом модернизационного прорыва, снижающим его вероятность с учетом иницилируемого сверху характера российской модернизации, выступает государственный аппарат, точнее – коррумпированность части чиновников» [10].

Вместе с тем не все так просто в самой элите. По оценкам экспертов, в частности, Р. Крумма, в России существуют два политических лагеря, один из которых намерен проводить широкую модернизацию, включая политическую, другой – готов лишь к технической модернизации [11]. Кроме того, интеллектуальные элиты также могут противодействовать политике социокультурной и политической модернизации, если рассматривают ее как утрату национально-культурной идентичности.

Современная модернизация России через призму гуманистических идей. Д.А. Медведевым была выдвинута стратегия модернизации, в которой отмечается, что в прошлом веке предпринимались неоднократные попытки превращения страны в великую мировую державу. На этом пути мы добились всемирно признанных успехов в технико-экономической составляющей модернизации: лидировали в создании космических, ракетных, ядерных технологий. И тем не менее Советский Союз «не выдержал конкуренции с постиндустриальными обществами» [13].

С нашей точки зрения, сравнение некорректно. Постиндустриальное общество далеко не тот эталон, на который бы стоило ориентировать модернизацию современной России, особенно принимая во внимание не декларации, а *реальные практики постиндустриализма* и время, когда этот эталон обосновывался. Как известно, пионером теории и самого термина является французский социолог А. Турен, опубликовавший в 1969 г. книгу «Постиндустриальное общество», в которой обосновывалось торжество новых факторов общественного развития – не столько капитал, сколько «целый комплекс социальных факторов», особенно знание, образование, информация, интенсивное развитие потребления, влияют на экономический рост и сам характер социальной жизни [13]. Новый импульс идеалам постиндустриального общества дала работа американского социолога Д. Белла «Приход постиндустриального общества» (1973), в ко-

торой обосновываются перспективы общественного развития для США, Западной Европы, Японии, а также бывшего Советского Союза. Социолог выделяет три сферы, куда, по его мнению, пришел постиндустриализм: 1) социальную структуру, включающую экономику, технологию и профессиональную систему; 2) политику, регулирующую распределение власти и рассматривающую конфликты групп и потребности индивидов; 3) культуру – сферу экспрессивного символизма и значений [14]. Принципиально в этом постулате то, что качественно изменяется социальная структура под влиянием якобы *доминирующей роли услуг*, которые вытесняют аграрное и промышленное производство. Следующая работа ученого – «Культурные противоречия капитализма» (1976) – существенно развивает ранее высказанные идеи, но уже в *достаточно критическом контексте*. Главная проблема, по мысли автора, не только неравномерное развитие этих трех сфер – социальной структуры, культуры и политики, но и то, что «они управляются противоположными осевыми принципами: для экономики это – эффективность; для политики – равенство; для культуры – самореализация» [15]. Этим обстоятельством порожден новый и весьма глубокий конфликт постиндустриального общества между инновационными технико-экономическими реалиями, основанными на передовом знании, рациональности и эффективности, и культурой, для которой характерны импульсивность, удовольствие, развлечение, свобода, эротизм. Причем «новый гедонизм», распространившись на повседневную жизнь, разрушает базовые культурные ценности, особенно в технико-экономической сфере. «Это культурное противоречие, – отмечает Белл, – в обозримом будущем является самым судьбоносным разделом в [постиндустриальном] обществе» [16].

Практически сразу стали выходить работы, в которых мифы постиндустриализма (в частности, постулаты о «торжестве сервисной деятельности» и «кончине производства») подвергаются серьезной критике. В последние два десятилетия теория и практика постиндустриализма существенно сдали свои позиции, в том числе и в идейно-ценностном плане. Российские исследователи показали, отмечает директор Института экономики РАН Р.С. Гринберг, что за постиндустриализмом скрывается «механизм паразитирования одной части мира, которая производит преимущественно финансовые услуги (печатает мировую резервную валюту) по отношению к другой, которая трудится, развивает реальный сектор и производит блага» [17]. В частности, В.И. Якунин раскрывает суть того, о чем Белл умалчивает, – паразитизм *всевозможных услуг* постиндустриальной модели развития, реализуемый в виде нетрудового источника права на потребления: «Например, через необоснованно завышенную, относительно оплаты трудовых затрат финансиста или банкира, учетную кредитную карту. Или через присвоенную природную ренту, ренту на производст-

венный капитал. Или через бесконтрольную эмиссию необеспеченной валюты... Для восстановления доходности паразитарных схем организуются финансовые кризисы» [18].

Так зачем же нам вообще сравнивать *свое* общество (советское или российское при всех их проблемах) с обществом постиндустриальным, в котором в концентрированной форме нашли выражение тенденции *анти-гуманизма*?

Квинтэссенция ныне выдвинутой стратегии модернизации состоит в следующем: «В XXI веке нашей стране вновь необходима всесторонняя модернизация. И это будет первый в нашей истории опыт модернизации, основанный на ценностях и институтах демократии. Вместо примитивного сырьевого хозяйства мы создадим умную экономику, производящую уникальные знания, новые вещи и технологии, вещи и технологии, полезные людям» [19]. Однако краткий контент-анализ выступления Д.А. Медведева позволяет дать общее представление о *техническом векторе* программы модернизации: слово «модернизация» употребляется 20 раз, «инновация» – 14, «стратегия» – 11, «информация» как сущностная характеристика будущего общества – 18, «риск» – 3, «опасность/безопасность» – 12, «гуманизм» – лишь 2 раза.

Тем не менее подчеркнем, в истории России при осуществлении той или иной модернизации вплоть до недавнего времени вообще не ставился вопрос о *гуманности путей и средств достижения поставленных целей, их адекватности интегральной природе человеческого капитала*. Отрадно, что ситуация стала меняться в последнее время: декларируется, что экономические преобразования предполагают *гуманистическую основу*. «Инновационная экономика, – отметил Д.А. Медведев, – может сформироваться только в определенном социальном контексте как часть инновационной культуры, основанная на гуманистических идеалах, на творческой свободе, на стремлении к улучшению качества жизни. Именно закрепленные в национальной культуре нравственные установки, модели поведения предопределяют успешное развитие личности и нации в целом» [20]. Сама отсылка на «гуманистические идеалы» позволяет, с одной стороны, с оптимизмом смотреть на грядущие модернизационные преобразования, а с другой – с этих же позиций посмотреть на их шансы воплотиться в жизнь.

О гарантиях и ловушке модернизации. Какие же факторы являются гарантом того, что нынешняя модернизация не станет очередным утопическим скачком в «счастливое будущее» и будет успешно воплощена в жизнь в отличие от всех предшествующих модернизаций? На наш взгляд, есть три основных.

Во-первых, *анализ причин прошлых неудач*, которые видятся в закрытости общества и тоталитарном политическом режиме. Это, несо-

мненно, все так. Но, представляется, необходимо назвать еще одну весьма значимую причину – ни одна из предшествующих программ *не опиралась на достижения мировой обществоведческой мысли*, что в принципе можно было бы сделать сравнительно легко. Приведем лишь один частный пример из нашей недавней истории 90-х гг., когда достижения социальных и гуманитарных наук уже были доступны, но, к сожалению, не востребованы. Бесспорно, Россия созрела для свобод и демократии. Но их утверждение требует *адекватного социального времени*. Как показал еще классик социологии Э. Дюркгейм, быстрый переход от одних ценностей к другим (неважно от каких к каким) неизбежно порождает идейный разброд, ценностное безнормие, аномию, являющуюся по существу *болезнью общества*, симптомы которой – резкое увеличение девиантного поведения в виде роста самоубийств, правонарушений и других проявлений социальной деструктивности. Прежняя модернизация в виде «шоковой» терапии, не учитывавшая элементарное социологическое знание, привела общество к болезни, последствия которой еще полностью не преодолены.

Второй фактор – ставка на *общественную инициативу, самоорганизацию*: «Вместо архаичного общества, в котором вожди думают и решают за всех, станем обществом умных, свободных и ответственных людей»; «воспитание личности, готовой к жизни в высокотехнологичном, конкурентном мире»; «укрепление демократических институтов на региональном уровне» [21], и т.д. Однако развитие самоорганизации предполагает переход к *принципиально новым рискам*, которые обязательно несут в себе потенциал *ненамеренных и непредвиденных последствий*. Это очень серьезная проблема, которая в прежних модернизациях просто игнорировалась, что и приводило к их половинчатости и незавершенности. Если техногенные риски как-то принимались во внимание, просчитывались, то риски социальные игнорировались: никто из прежних руководителей просто не задумывался о непредвиденных и ненамеренных последствиях «скачка» в иное общество, что предполагало разрывы социума, связанные, в частности, с попытками осуществить то «отмирание» государства, то утверждение «самоуправления народа посредством самого народа», то взятие суверенитета по принципу «кто сколько может». Готовы ли к *цивилизованной* самоорганизации ныне существующие общественные структуры с их достаточно ригидными функциями, ориентированными на административное управление, на распоряжения, спускаемые сверху? Насколько рядовые россияне субъективно предрасположены к инициативным действиям с учетом особенностей нашего национального характера и исторических социальных практик? Исследования социологов выявили существующие здесь очевидные парадоксы и «кентаврзмы»: с одной стороны, большинство россиян – за свободы и демократию, а с другой – сохраняются вождистские ориентации, расчет на государственный патер-

нализм, боязнь инициативы, которая, как известно, «всегда наказуема» [22]. Кроме того, будет ли учтен прежний опыт общественно *дисфункциональной* самоорганизации, характерный для 90-х гг.? Если не дать ответы на эти и подобные вопросы, если не перевести проблемы в плоскость принятия во внимание *латентных компонентов* общественной инициативы, нас ожидают *коллизии* между самоуправлением и государственным управлением, рост *неуправляемости рисками*, резкое *увеличение непредвиденных последствий* модернизации антигуманного толка.

Третий фактор – акцент на *интеллектуализм и прагматизм*: «Вместо сумбурных действий, продиктованных ностальгией и предрассудками, будем проводить умную внешнюю и внутреннюю политику, подчиненную сугубо прагматичным целям» [23]. В нашем понимании – это прежде всего *учет объективных реалий сложного социума*, неожиданных бифуркаций.

Кроме того, необходимо объективно учесть явные и латентные факторы противодействия модернизации. В нынешних сложных условиях может возникнуть и *фактически* возникла ситуация, которую мы обозначили как *ловушка модернизации*: в обществе есть осознание того, что необходимо осуществлять модернизацию, и вместе с тем существуют веские опасения того, что модернизация, *ее конкретная стратегия* могут ухудшить социальное положение значительной части населения, вызвать нежелательные экономические и политические потрясения в стране. Подчеркнем, существующие опасения небезосновательны, многие из них предполагают так или иначе учет сложностей социума. В итоге дискуссии о модернизации сворачиваются, стратегическое развитие, по существу, вытесняется «ручным управлением», ориентированным на решение тактических задач. По нашему мнению, выход из *ловушки* модернизации все же есть. Можно сблизить и даже объединить разноплановые интересы разных социальных групп и элит на основе стратегии *гуманистически ориентированной* модернизации. Ни одна исторически известная модернизация *не поднялась до постановки цели духовного и нравственного возрождения человеческих отношений*, до задач формирования *креативного человеческого капитала* и его преумножения. Но ведь когда-то должен состояться исторический прорыв на этом направлении. Думается, у современной России для этого есть и объективные, и субъективные факторы при всех рисках грядущей модернизации страны, в сути которых необходимо разобраться.

Примечания

1. См.: Парсонс Т. О социальных системах. М., 2002.
2. См.: Touraine A. Modernity and Cultural Specificities // International Social Science J. 1988. № 118.

3. См.: *Мусеев Н.Н.* Быть или не быть... человечеству? М., 1999.
4. См.: *Зарубина Н.Н.* Модернизация: зарубежный опыт и Россия. М., 1994.
5. *Гидденс Э.* Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь М., 2004. С. 91–92.
6. См.: *Зарубина Н.Н.* Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации. СПб., 1998.
7. См.: *Wallerstein I.* Modernization: Requiest in Pace // *The Users of Controversy in Sociology / Coser L.A., Larsen O.N. (eds.).* N.Y., 1976.
8. *Eisenstadt S.N.* Modernization: Protest and Change. Englewood Cliffs, 1966.
9. *Гориков М.К.* Социально-политические аспекты модернизационного проекта России // Социально-политические процессы и ценности в условиях глобализации. М., 2012. С. 14.
10. Там же. С. 20–21.
11. См.: *Крумм Р.* Фактор Медведева. Заявка на модернизацию России // Friedrich Ebert Stiftung. 2010. Сент. С. 10.
12. *Медведев Д.А.* Послание Федеральному Собранию. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/5979> (дата обращения: 07.06.2012).
13. См.: *Touraine A.* La société post-industrielle. P., 1969.
14. *Bell D.* The Coming of Post-Industrial Society. N.Y., 1973. P. 12.
15. *Bell D.* The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y., 1976. P. 37.
16. Ibidem. P. 84.
17. *Гринберг Р.С.* Мифы постиндустриализма и проблемы реиндустриализации России // Постиндустриализм. Опыт критического анализа / Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Кара-Мурза С.Г., Деева М.В., Сафонова Ю.А. М., 2012. С. 6.
18. *Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Кара-Мурза С.Г., Деева М.В., Сафонова Ю.А.* Постиндустриализм. Опыт критического анализа. М., 2012. С. 18, 21.
19. *Медведев Д.А.* Послание Федеральному Собранию...
20. Там же.
21. Там же.
22. См. например: *Тощенко Ж.Т.* Парадоксальный человек. М., 2008.
23. *Медведев Д.А.* Послание Федеральному Собранию...